

УДК 37. 034

**ВОПРОСЫ ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ
НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ (ПО РОМАНУ Л. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»)****Петешева В.А., Зиманова А.Ю.***Бирский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
Бирск, e-mail: academy@birsk.ru, kira-02@mail.ru, dekanat-filfak@mail.ru*

В статье рассматривается понятие «духовность», его понимание в свете религиозного и светского осознания, проводится параллель в противопоставлении духовного как религиозного и светского как бездуховного. На примере произведения доказывается, что духовность часто связывают с религиозностью, а религия теряет монополию над духовностью благодаря процессам секуляризации. Вопросы духовного воспитания рассматриваются на примере романа Л.М. Леонова «Пирамида». В статье утверждается, что последний роман Л. Леонова это – философское, фантазмагорическое произведение, созданное в традициях литературы Серебряного века, исследуется ведущий мотив книги – духовность и ее место в жизни человека, рассматривается мифо-поэтический характер произведения, леоновский тип героя-праведника, олицетворяющего религиозно-философские идеалы писателя. Понятие «духовность» оказывается необходимо для определения высших ценностей, мотивирующих внутреннюю жизнь человека и его деятельность. Духовное предполагает, что цели и смысложизненные ориентиры личности укоренены в системе надындивидуальных ценностей.

Ключевые слова: духовность, религиозное сознание, светское сознание, духовное воспитание, герой-праведник, литературный персонаж, духовно-религиозные взгляды Л.М. Леонова

**QUESTIONS OF THE MORAL EDUCATION OF STUDENTS
AT LITERATURE LESSONS (ON THE EXAMPLE
OF THE LEONID LEONOV'S NOVEL «THE PYRAMID»)****Petisheva V.A., Zimanova A.Yu.***Birsky branch, Bashkir State University, Birsk,
e-mail: academy@birsk.ru, kira-02@mail.ru, dekanat-filfak@mail.ru*

The article discusses the concept of «spirituality», in the light of his understanding of religious and secular consciousness, held parallel to the opposition of the spiritual as a religious and secular as a soulless. For example, the product is proved that spirituality is often associated with the religiosity, and religion is losing its monopoly on spirituality through the process of secularization. Questions of spiritual education are considered by the example of the novel L.M. Leonov «The Pyramid». The article states that the latest novel by L. Leonov is philosophical, phantasmagoric work created with the tradition of the literature of the Silver Age, the book explores the leading motive – spirituality and its place in human life, considered mytho-poetic nature of the work, Leonov's type of the hero-righteous, personifying the religious and philosophical writer's ideals. The term «spirituality» is necessary to determine the highest values that motivate the inner life of a man and his activities. Spiritual suggests that the purpose and meaning of life orientations of the person rooted in the system of supra-individual values.

Keywords: spirituality, religious consciousness, secular consciousness, moral education, the hero-righteous, literary character, spiritual and religious L.M. Leonov's views

Духовность – это форма человеческого самосознания и проявление высших устремлений человека к знанию и служению другим людям. Духовное пространство, как и духовная культура, включает в свое построение вертикаль, разделяющую возвышенное и обыденное. Понятие «духовность» оказывается необходимо для определения высших ценностей, мотивирующих внутреннюю жизнь человека и его деятельность. Духовное предполагает, что цели и смысложизненные ориентиры личности укоренены в системе надындивидуальных ценностей.

Сегодня проблема воспитания подрастающего поколения стоит перед нашим обществом особенно остро, поэтому главная задача учителя-словесника состоит в том,

чтобы превратить каждый урок литературы в урок нравственности, сформировать у учащихся потребность размышлять над вопросами духовного саморазвития, донести до сознания детей мысль, что русская литература может стать помощницей в осмыслении многих вопросов духовно-нравственного порядка.

В романе «Пирамида» последовательно развиты общественно-политические, эстетические, нравственные и религиозно-философские взгляды Л. Леонова, проявившиеся в авторских рассуждениях о теории всеединства, русском космизме и русской идее, о евразийстве и западничестве, христианстве и православии; в мифопоэтической образности книги; в пристальном внимании романиста к архетипам и сюжетам

религиозно-философской направленности; в мощном эсхатологическом звучании романа, характерном для всей литературы конца XIX – начала XX вв. «Русская философия не умерла, – писал А. Павловский, – вместе с Серебряным веком, когда она лишилась и Шестова, и Лосского, и Франка, и Бердяева, а затем Флоренского, Карсавина и нескольких других крупнейших представителей философской мысли, – она не умерла, потому что ушла, как в катакомбы, в художественную литературу <...> религиозно-художественный Ренессанс начала столетия дал совершенно особый тип философа, очень близкий по своей природе художественному таланту Л. Леонова. Это был философ-логический, у которого философская или логическая категория чаще всего выражалась через образ, и лишь постепенно этот образ, метафора порождали понятие» [7, с. 6–7].

Духовно-нравственный контекст итогового романа Л. Леонова выявляет органическую связь эстетической системы писателя с исканиями литераторов рубежа XIX–XX вв. «<...> “Пирамида” в очевидной форме обнаруживает, – писала Л. Якимова, – ориентированность Л. Леонова на духовные и эстетические, религиозно-философские и культурно-художественные искания Серебряного века – с его утратой целостной, едино-монолитной веры, какой было православие, попытками обрести истину в различных ересьях, реставрации язычества, увлечении античностью, богостроительными и богоискательскими идеями <...>» [10, с. 4]. Во многих произведениях начального и последующих творческих периодов прозаик показал, как рушились вековые устои нравственности и сложившиеся народные обычаи, как выкорчевывалась вера в Бога, предрекая неизбежную гибель гармоничного мира. В содержании «Пирамиды» эта мысль превалирует. Л. Леонов был убежден, что социальные и моральные изменения в обществе возможны ненасильственным путем при условии сохранения и укрепления духовности, нравственных ценностей народа.

В заглавии книги, ее подзаголовке «Роман-наваждение в трех частях» и структуре кроется ключ к пониманию жанровой специфики «Пирамиды» и одной из главных проблем произведения – изображение бытия в соотнесенности его разомкнувшихся Начал. В трех частях романа – «Загадка», «Забава» и «Западня», – повествующих о реальных событиях земной жизни

и фантазмагорически inferнальном мире, автор и близкие ему герои вопрошают: к чему приведет разрушение духовности и культурных памятников? Какова роль небесных сил в устройстве миропорядка на земле? – в первой части; каков итог забавы человека, отвергнувшего высшие идеи ради временных, преходящих? Можно ли вернуться к Богу? – во второй части; удастся ли русскому человеку – жертве наваждения – выйти из западни, и какой ценой оплатит он свое блуждание по лабиринтам бездуховности? Каково будущее России, пережившей разрушительную эпоху эксперимента и оказавшейся в ловушке? – в третьей части.

На духовно-нравственной специфике «Пирамиды» сказались авторские отступления о религии и нравственности, наличие в романе реального и ирреального планов, использование приемов художественной фантастики, экскурсы в потусторонние миры, абсурдность ряда конфликтов и поступков героев. Все это делает книгу фантазмагорическим произведением. «В романе «Пирамида», – писал А. Павловский, – весь видимый, чувственный, предметный – людской и пейзажный – мир заметно деформирован и постоянно балансирует на грани условности – фантазмагии и гротеска. Только в такой форме, заметно отдаленной от традиционного реалистического письма, писателю удастся более или менее адекватно запечатлеть зыблущийся образ мира, обреченно подходящего к концу тысячелетия и как бы уже повисающего над пропастью, лишь по привычке и близорукости именуемой Будущим» [8, с. 69].

Содержание «Пирамиды» – богатое и разнородное. Писатель, говоря о романе, заметил: «Это из литературы XXI века» [6, с. 151]. В основание книги положены религиозно-философские проблемы, к которым Л. Леонов обращался на протяжении всей творческой жизни. «Программным» для прозаика следует считать рассказ «Уход Хама» (1922), сюжетным ядром которого стал библейский миф о всемирном потопе – дохристианском «конце света». Центральная фигура рассказа – младший сын Ноя Хам, – который в отличие от братьев Сима и Иафета нарисован мятежным правдолюбцем, предположил, что не Бог, а его Отражение с помощью солнца и воды сгубило все живое. Впечатляют картины всемирного потопа: повсюду плыли разбухшие тела людей, «<...> каждое к своей судьбе. Все мертво кругом, кроме рыб, которые затаились в страхе, будто умерли <...> Много

озер образовалось по земле. Они гнили, но отражали голубой блеск, а вся земля была сера и зелена, потому что омертвела» [5, с. 139]. Бескомпромиссность сына вызвала гнев уличенного Ноя – потомка Адама и правнука Еноха, – и «он проклял Хама, как Отец землю в дни ковчега <...>» [5, с. 142].

В романе «Пирамида» Л. Леонов, соотнося историю и современность, изображая нынешнего и будущего человека, прибегал к ассоциациям и аналогии, широко использовал мифологические мотивы и образы. Миф для писателя – это универсальная синкретическая форма мышления, объединяющая в себе субъективное и объективное, единичное и общее, идеальное и реальное, реальное и фантастическое, а также способ непосредственного восприятия мира. Пирамида романиста как поэтический образ и ее множественные зеркальные отражения – социальная пирамида, нравственная, духовная, религиозно-философская, конкретно-чувственная, небесная – это тоже миф о непознанной сущности человека, многомерности мира и путях открытия иных форм жизни, ее иррациональных качеств.

Ведущая тема «Пирамиды» – борьба Добра и зла. Добро в романе олицетворяют идеалы Бога и герои – носители божественного духа – о. Матвей, дьякон Никон Аблаев, ангел Дымков и др. К Всевышнему устремлены взоры детей старшего Лоскутова – праведной Дуни, предсмертно прозревшего Вадима, «оступившегося» Егора. Сострадав людям, на долю которых выпало непостижимое горе, старофедосеевский поп приходит к парадоксальному выводу, что в мире существует два равноправных Начала, и Бог потакает второму. Матвей Лоскутов открыто сказал об этом во время беседы с домочадцами: «<...> Никто не посмел прервать его, – отметил повествователь, – когда он под предлогом защиты Всевышнего косвенно обвинил его в прямой потачке торжествующему Злу <...>» [4, с. 320].

Носители божественных истин высказывают предположение о готовящемся примирении Творца и дьявола, «<...> восстановлении небесного единства, порушенного разногласиями при создании Адама» [4, с. 607], и устранении предмета раздора – человека. «Миллион лет спустя, – рассуждал Филуметьев, беседа с Вадимом, – когда для вновь помолодевшей планеты будет проектироваться новая раса, достойная вечного жительство в том оазисе вечной праздности, будет учтена неудача преды-

дущей, нашей <...> для которой, несмотря на литургические взлеты духа, тяга земная, могильная, оказалась много сильнее небесной <...>» [4, с. 237].

Важное место в структуре книги занимает притча о правде, рассказанная странником Афинагором, которую в обличье человека сильные мира скрыли от народа, заточив в подземелье. Тогда спросил Господь у стражников: «Интересно, кого же вы, голубчики, и от кого охраняете? Людей от правды или самое правду от людей?» [4, с. 279]. И велел Бог освободить пленницу. Выпущенная на свободу, «святая, нагая, бесстыжая, прекрасная <...>» [4, с. 279], правда тут же набросилась на лжецов, «<...> вмиг целую шеренгу передовых марксистов слизнула дочиста. Как начала она их лущить, по сей день лютует <...>» [4, с. 280]. Так случилось в притче, в реальной жизни все обстояло иначе. В угоду власти предрержавшим повсюду господствовали ложь и беззаконие. Не потому ли «временами и вдруг одолевала о. Матвея срочная надобность выяснить – слышат ли там, в небесах, что творится на святой Руси?» [4, с. 57].

В романе много выразительных картин о насилии над личностью, эпизодов жестокого разрушения привычного жизненного уклада народа, его нравственных и духовных святынь. В числе ярких примеров можно назвать: отречение дьякона Аблаева и его смерть; жизнь попа Афинагора, бежавшего из разгромленного монастырька в зауральской глуши; разрушение нижнекожемской церкви «корчевателями медных языков»; уход о. Матвея ради спасения семьи, его физические и духовные лишения – «Загадка»; трагическая судьба «выломившегося» Вадима Лоскутова и его апокалипсис; беседы Матвея Лоскутова с Шатанициком и Вадима – с Никанором о человеке, вере и космосе – «Забава»; рассказ египтолога Филуметьева; версия Шамина об эпилоге человечества и сцены его вырождения; трагедия комиссара Скуднева; монолог диктатора – «Западня» и др.

Священник Лоскутов наделен качествами леоновских праведников: Катушина («Барсуки»), Пухова («Вор») и Глухова («Русский лес»). Отец Матвей пользуется уважением прихожан, увлекая их верой в божественную идею и ее сакральность. Примером тому может служить эпизод прощальной встречи отца с «блудным» сыном. Во время беседы старший Лоскутов советует первенцу, чтобы тот укрывался от бури,

сметающей Добро, и преклонялся перед божественной правдой. «При бывалошних-то гонениях, вспомни-ка, – поучал отец Вадима, – какие темницы ключом веры растворялись, узы какие разрубались мечом смирения <...> С Богом не мудри, памятуя, что сказка должна быть страшная, сабля вострая, дружба прочная, вера детская» [4, с. 500].

Истина и правда, считает Матвей Лоскутов, должны жить в душе каждого человека. О них не следует разглагольствовать, их нужно утверждать в жизни благими намерениями и поступками. Характерно, что батюшка никогда не расставался с Христом, даже в тот момент, когда обезумевшие люди покидали Бога: «<...> Они сами, – писал автор, – всем табором уходили от обременительной Христовой опеки в некую обетованную даль» [4, с. 416].

Матвей Лоскутов – духовно богатая личность; он сосредоточенно ищет заветную «мечту» или высочайшую правду, он «заболел» проблемой о роли христианства в пору российского безбожия и стремится разобраться в «бесовщине», которая захватила людей, узнать, «<...> на ком лежит вина разрыва русского Бога с Россией» [4, с. 225]. Долгие годы о. Матвей прожил среди вятских крестьян и потому воспринимает мир их глазами. В его речи часто встречаются просторечные, фольклорные образные выражения – пословицы, присловья и поговорки, присказки и притчи. Например, «сапожной иглой злата не добудешь»; «чем чернее грех, тем плодоноснее покаяние»; «на конфетке далеко не укажишь, без ней и обойтись легко»; «вера благоговейно обходит тайнички, не поддающиеся лукавым отмычкам ума»; «смерть человека диктуется усталостью глины, а не души»; «голые приходим в мир, голые уходим без ничего»; «солнышко светит мне вполнакала, и всякая пища для меня – словно прошлогоднюю газетину жуешь». Сельский священник, утверждая божественную истину, часто прибегает к эзопову языку как единственной возможности «<...> выразить запретную мысль в условиях того времени. Примечательно, что от большинства лоскутовских афоризмов тянутся нити к основным сюжетобразующим мотивам «Пирамиды», которые в свою очередь перекликаются с притчей батюшки о бездне и представленной им в простонародной интерпретации библейской легендой о праведнике Иове» [1, с. 103].

В процессе работы над текстом на уроках литературы необходимо сделать акцент на том, что Л. Леонов постоянно говорил о необходимости возрождения религиозно-нравственных координат в духовной жизни русского народа. В частности, на вопрос Т. Земской: «Как вы относитесь к тому, что в последнее время в обществе необычайно возрос интерес к религии?» – писатель ответил: «Я это предсказывал в личных беседах с друзьями. Правда, думал, что период этот наступит по ту сторону тысячелетия, а начался он гораздо раньше. Значит, возникла потребность, высокая потребность самоочищения, приведения хаоса в порядок» [2, с. 182]. В художественной системе «Пирамиды» религиозная тема превалирует в содержании, но она рассматривается с новой стороны. Писателя занимают в книге не только вера в Христа, но и истоки ее крушения, причины людского грехопадения. Ответ на эти проблемы Л. Леонов искал и находил в канонических библейских текстах и отреченной литературе.

Автор «Пирамиды» с большим вниманием относился к апокрифам, в которых излагались осуждаемые церковью библейские истины и жития святых, – у писателя много реминисценций Ветхого и Нового Завета, скрытых цитат, аллюзий, отсылок к древним текстам. Религиозно-философские и библейские мотивы книги неотделимы от политико-публицистических размышлений автора о времени и истории, о народе и российском государстве. Неожиданные повороты в судьбе России всегда обнажали проблемы сущности и предназначения человека, его духовно-нравственного и социального переустройства; в 1920-е гг. они волновали Дмитрия Векшина, который заявил, как герой Ф. Достоевского: «И мне шагу теперь нельзя ступить, пока я точного решения себе не вынесу... потому что отсюда главный план мой вытекает на тыщу лет вперед, в каком направлении нам, Векшиным, двигаться, чего добиваться? А то при послушании да соответственном энтузиазме такого можно наковырять, что и в сто веков не разделаешь <...>» [3, с. 350]. Вопросы нравственности и духовности словно наваждение стояли перед героями «Пирамиды» – о. Матвеем, Вадимом, Дуней, Алешей и другими, оказавшимися по воле рока «на краю времени» [4, с. 611].

Близкие писателю герои, размышляющие вместе с автором над вопросами: почему Бог, сотворив разумного человека, сделал его смертным? В чем смысл божественного

дара? – напоминают Ивана Вихрова, который, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, пытался познать загадки и шифры природы: «<...> Чудо не противоречит природе, – истолковывал ученый на свой лад речение Августина, – <...> чудо противоречит лишь тому, что мы о ней знаем <...>» [4, с. 32]. Содержательная емкость «Пирамиды», ее глубоко полемический характер напрямую зависят от авторской концепции личности, которая наделена художником пытливым умом, высокими нравственными и духовными идеалами, богатым внутренним миром, способностями раскрывать тайны бытия и понимать конечную цель обитания на земле. Человек-наваждение изображен конструктивно несовершенным, жалким, одиноким и бранным; он, блеснув один раз на вечном небосклоне, бездумно торопится «<...> воротиться в свою исподнюю пучину <...>» [4, с. 249].

«Л. Леонов, обращаясь к фундаментальным нравственным законам, в лоно православия, создавая обобщенную картину бытия и историческую эпоху, изобразил в романах прошлое, настоящее и будущее; за множеством судеб разноликих героев выпукло показал жизнь народа – его труд, быт, культуру и мораль» [9, с. 343]. Особое место в образной системе романов заняли типы леоновских праведников – Степана

Катушина («Барсуки»), Емельяна Пухова («Вор»), Калины Глухова («Русский лес»), Матвея Лоскутова («Пирамида»), благочестие которых раскрывает новые качества русского национального характера. Собирательный образ праведников выступил критерием нравственных и духовных норм поведения человека, адекватных авторскому идеалу.

Список литературы

1. Гусарова-Кузи В. Фольклорные пласты в романе «Пирамида» // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. – СПб., 2002. – 167 с.
2. Земская Т. Три интервью с Л.М. Леоновым. – М., 1999. – № 5. – С. 177–183.
3. Леонов Л. Вор. Собр. соч.: В 10-ти т. – Т. 3. – М., 1982. – 614 с.
4. Леонов Л. Пирамида. Роман-наваждение в 3-х частях: В 2-х т. – М., 1994. – 1424 с.
5. Леонов Л. Уход Хама. Собр. соч.: В 10-ти т. – Т. 1. – М., 1982. – 502 с.
6. Оклянский Ю. Шумное захоlustье: В 2-х книгах. – Кн. 2. – М., 1997.
7. Павловский А. Звено разорванной цепи. (Феномен Леонова) // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. – СПб., 2002. – 167 с.
8. Павловский А. Поэма начала и роман конца. (Роман «Пирамида» Л. Леонова и «Поэма без героя» А. Ахматовой) // Русская литература. – 1999. – № 4. – С. 69–74.
9. Петишева В.А. Л.М. Леонов: искусство романа. – М.: Голос-Пресс, 2008. – 352 с.
10. Якимова Л. Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида» – Новосибирск, 2003. – 250 с.